

УДК 316.78

А.И. Лысюк*д-р полит. наук, канд. филос. наук, доц., проф. каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***ТРИ КРУГА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА**

Исходя из методологии деятельностного подхода рассматриваются три уровня (круга) политического лидерства: психологический, социокультурный и институциональный. К психологическим относятся иррациональные и рациональные факторы, детерминирующие поведение лидера и последователей. К социокультурным – цивилизационные и политико-культурные компоненты, регламентирующие политические практики лидеров. К институциональным – особенности формы государства, политического режима, партийной и избирательной систем, правовые рамки, обуславливающие функционирование лидерства. В конечном счете все эти факторы детерминируют господствующую модель политического рекрутирования, определяющую способы восхождения к власти политических лидеров.

Введение

В истории человечества политическое лидерство играло и играет одну из ключевых ролей в формировании и форматировании социальных процессов. В современном мире его воздействие на общественное развитие резко увеличилось. Основная причина этого – усилившиеся виртуализация и персонификация политического пространства, вызванные медиа-революцией последних десятилетий, в результате чего в социальных процессах роль политического лидера приобрела беспрецедентное значение. С особой силой она проявляется в т.н. лидерских странах, в которых воля первых политических лиц доминирует над социальными институтами.

Проблема политического лидерства активно разрабатывается в современной политической и психологической науках. Большинство исследователей рассматривает политическое лидерство как одну из форм субъект-субъект-объектного взаимодействия, направленного на организацию и интеграцию деятельности определенного социума посредством концентрации политической власти, влияния и воли у отдельного политика, занимающего доминирующую властную позицию. Социальная активность лидера носит целенаправленный, коммуникативный и интерперсональный характер. Политическим лидером является как глава государства, так и формальный или неформальный лидер малой группы, деятельность которых носит политический характер. Лидеров необходимо рассматривать как естественную часть политической элиты, а их основной функцией является целеполагание, связанное с принятием политических решений.

Несмотря на множество работ по данной проблеме, как справедливо указывает немецкий исследователь Ф. Вальтер, по-прежнему «понятие лидерства является не устоявшимся, не до конца отточенным, полностью никем не определенным и открытым для субъективного нормирования... Оно столь любимо журналистами, поскольку дает им возможность персонализировать политику» [1, с. 1289]. Как следствие этого, в современной политологии отсутствует общность позиций по целям, условиям, формам, процессам, структурам, детерминантам и следствиям лидерства, смешиваются теоретическое и эмпирическое, персональное и институциональное, нормативное и дескриптивное, психологическое и социокультурное, истинное и ложное, оригинальное и тривиальное.

Существующие же исследования, претендующие на целостное изучение политического лидерства, выступают в трех формах. Во-первых, это системное исследование

его детерминант, однако при этом неисследованными остаются другие компоненты политического лидерства [2]. Во-вторых, контекстуальные модели политического лидерства (Т. Хаугтон, А. Аммер и др.), выделяющие, как правило, его институциональные, ситуативные и личностные характеристики, стремясь целостно «охватить» этот феномен [3; 4]. Главное их достоинство заключается в том, что они позволяют преодолеть фрагментаризацию изучения лидеров и определить позицию лидера в рамках конкретной политической системы. Однако в этом случае наблюдается довольно-таки произвольный набор переменных для политологического анализа. В-третьих, широко распространён биографический подход, в котором системно, аналитическим образом, избегая широких обобщений, изучается только один политический лидер, без научной экстраполяции на других.

Методы и принципы анализа

Для преодоления теоретической «сумятицы» по изучению политического лидерства как целостного феномена целесообразно, в первую очередь, использовать принципы деятельностного подхода, ориентированного по своей природе на системное изучение объекта. В рамках этого подхода любая человеческая деятельность приобретает очертания системы с имманентно присущими ей структурно-функциональными характеристиками. Каждый ее элемент относительно самостоятелен, имеет свою логику развития, но внутренне связан с другими структурными компонентами того же типа. «Система человеческой социальной деятельности оказывается *полиструктурой* (здесь и далее курсив наш. – А.Л.), т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них, в свою очередь, состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом... Поэтому можно сказать, что деятельность есть *неоднородная полиструктура*, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время» [5, с. 242]. Структуры человеческой деятельности включая и политические практики в этом случае выступают следующим образом: 1) люди как субъекты деятельности; 2) их потребности, интересы и ценностные ориентации; 3) средства и ресурсы деятельности; 4) совокупность действий и операций, посредством которых реализуется деятельность; 5) объект деятельности как сфера приложения материальных и духовных сил человека; 6) рамочные условия деятельности.

Методологической значимостью для данного исследования обладает также исследование П. Сапронова, который при изучении лидерства анализировал три его источника (философский, богословский и исторический) сквозь призму порождаемых ими образов власти и властителей в рамках отдельных исторических эпох, смысловом сопряжении этих образов и проведении между ними единой логической линии. П. Сапронов отмечал: «Всегда те, кто властвовал, ... персонифицировали собой и события, и воплощаемые ими смыслы. Фигуры властителей не просто выражали собой господствующее начало и соотносились с фигурами подвластных. В определенном аспекте на них замыкались и от них исходили все смыслы. Власть была всей культурой, взятой в одном из ее основных ракурсов» [6, с. 16–17]. Достоинством исследования П. Сапронова является и то, что автор ввел в контекст политологического анализа типичные для каждой эпохи образы правителей, а также показал, каким образом культурологический заказ «снизу», со стороны последователей, порождает определенные типы политических лидеров. Наряду с этим, первоначальная установка П. Сапронова на искоренение в своей работе «социологизма» и сведение к минимуму «психологизма» оставила вне контекста

рассмотрения широкий пласт социокультурных и институциональных факторов, интегрированных в систему лидерства: цивилизационных парадигм, политических институтов, мотивов, политико-идеологических ориентаций, коммуникативных действий и др.

Кроме этого, при изучении политического лидерства как системы целесообразно использовать разработанные Ю.Г. Кудрявцевым методологические принципы трехуровневого анализа творчества [7].

Психологическое в политическом лидерстве

Исходя из понимания политического лидерства как социального целого можно выделить три его уровня (круга). Первый имеет *психологический* характер и представлен совокупностью как *иррациональных (бессознательных)*, так и *рациональных (осознанных)* факторов, входящих в систему политического лидерства.

Основу иррационального составляет содержание либидозных связей между лидером и последователями, а стремление к власти выступает как один из видов сублимации, под которым понимается социально приемлемый выход энергии бессознательного (Фрейд). Исследователи выделяют различные их группы. Это и крайне возвышенное и могущественное Супер-Эго политика (Фрейд, Буллит), и коллективное бессознательное, состоящее из архетипических образов власти (Юнг), и садомазохистский комплекс, некрофилия и нарциссизм (Фромм), и синдром авторитарной личности (Адорно), и параноидальные черты лидера (Робинс, Поста), и идентификация в образе Большого Другого (Лакан), и жажда власти, призванная помочь преодолеть низкую самооценку лидера с помощью изменений в себе и внешней среде (Лассуэлл), и др.

Анализируя подобные подходы, можно, тем не менее, отметить, что для них характерна неоправданная экстраполяция сексуального на социальное (политическое) и культурное, а также очевиден гипотетический характер большинства утверждений, логически доказуемых *только* в рамках психоаналитических интерпретаций и концептуально противоречащих большинству современных политических теорий. Как справедливо отметила Т. Самсонова, применение психоанализа при изучении политических феноменов остро ставит вопрос о научности таких исследований. «Психоаналитикам постоянно приходилось и по сей день приходится отбиваться от обвинений в ненаучности их изысканий», поскольку в «психоанализе нет механизма контроля над сбором эмпирических данных» [8, с. 28].

Наряду с иррациональными (бессознательными) факторами политического лидерства важной частью его психологического компонента являются рационально-психологические компоненты. Они выступают в трех основных плоскостях: субъектном (индивидуальном), объектном (группа; последователи) и системно-интегративном (интеракционном). В первом случае в центре внимания (и анализа) оказываются такие феномены сознания политического лидера, как его мотивы, интеллект, когнитивные способности, волевые и эмоциональные интенции, энергичность, эмпатия, склонность к доминированию, способность к приспособленчеству, умение организовывать межличностные коммуникации, искусство воздействия на мотивацию последователей, черты характера и темперамента, умение координировать действия других, доминирующий тип поведения (проактивное или реактивное), каузальная атрибуция, способы социально-психологического воздействия лидера на последователей (подражание, заражение, внушение, убеждение) и т.п.

Во втором случае важными компонентами лидерства являются психические образования, определяющие содержание деятельности последователей (принцип персо-

нальной каузальности, когнитивная схема распознавания подлинного лидера, способ мышления и др.).

В третьем – психологические особенности взаимодействия лидера и последователей, выраженные в интегрированных в процесс политического лидерства особенностях взаимной перцепции, уровне социального капитала, психологическими ожиданиями и др. Система интерактивных отношений в этом случае представлена: а) структурой межличностных отношений между лидером и группой; б) общими характеристиками группы (социума) как интегрированного целого и отдельных его подсистем; в) нормами, ценностями и установками, определяющими взаимодействие лидера и последователей; г) их ролевыми функциями; д) уровнем когнитивного диссонанса в отношениях обоих агентов лидерства и др.

Социокультурное в политическом лидерстве

Известно, что ключевым компонентом личности человека является культура. В. Библер отмечает, что «культура – это форма *самодетерминации* индивида в горизонте личности, форма самодетерминации нашей жизни, сознания, мышления» [9, с. 289]. Именно культура *ценностно* пронизывает все структурные компоненты деятельности, в том числе, политической, определяя их качественную определенность и целеполагающий потенциал. Поэтому над *психологическим* кругом лидерства возвышается круг **социокультурный**.

Его наиболее глобальный уровень представлен цивилизационным фактором, представляющим наивысшую культурную целостность и идентичность человека. В системе политического лидерства он определяет наиболее общие и глубинные его культурные параметры. Например, важнейшим структурным компонентом западной цивилизации является ключевое положение закона как регулятора социальных отношений, включая и отношения лидера и последователей. В этом случае политическая власть лидера является следствием легально установленного обезличенного порядка в рамках определенной политической системы. Правовые ценности и нормы формируют гражданское сознание, порождающее, в свою очередь, легальнобюрократическое лидерство. Славянская цивилизация, наоборот, минимизирует проявление в политике юридических норм и правил, полагая, что есть вещи более важные, чем закон: трансцендентные императивы, спонтанная воля народа, «исконная правда» и т.п., что не может не порождать в системе политического лидерства тренд в сторону традиционализма и харизматичности.

Цивилизационный уровень, в конечном счете, имеет, согласно С. Хантингтону, страновое проявление: страны-участницы, стержневые государства, страны-одиночки, расколотые страны и разорванные страны [10, с. 202–203]. Каждая из них в той или иной степени интегрировала цивилизационную культурную идентичность и является ее носителем. На этом (страновом) уровне представлены идеальные национальные образы власти, по поводу которых наличествует тождество позиций лидера и ведомых. Все это создает своеобразный «социальный заказ» на определенное содержание и конфигурацию политического лидерства. Его существенной характеристикой будет то, что политический лидер, ставший сосредоточением культурологической интеграции, персонифицирует не только актуальные ожидания последователей, но и запечатленную в их сознании историческую традицию.

Следующий уровень факторов социокультурного круга составляют политико-культурные феномены, детерминирующие поведение политических лидеров и последователей в конкретной стране и конкретных временных рамках, умноженные на актуали-

зорованне нацыянальную традыцыю і суадношэнне палітычных сіл. К іх лічбу адносяцца такія кампаненты, як: 1) этнічная прыналежнасць (нацыянальны характар і ідэнтычнасць); 2) рэлігійныя погляды; 3) моральныя прынцыпы (як мотыв дзейнасці лідэра і паслядоўцаў і як крытэрыў ацэнкі апошнімі дзейнасці першага); 4) арыентацыі лідэра і паслядоўцаў адносна ключавых элементаў палітычнай сістэмы (дзяржава, эліта, апазіцыя, палітычныя партыі, выбарчая сістэма і др.); 5) іх палітыка-ідэалагічныя перакананні; 6) веды і інтарэс да палітыкі, ацэнка магчымасцей уплыву на палітычны працэс; 7) актуальныя палітычныя меркаванні і настроенні; 8) ўключнасць у палітычныя камунікатывныя структуры; 9) эмоцыянальная сувязь лідэра і паслядоўцаў (страх, адчуждэнне, энтузіязм, прэдрасудкі, довер'е, праекцыя і т.д.); 10) стылістыка дзеянняў палітычных актараў (аўтарытарная ці дэмакратычная, трансфармацыйная ці прагматычная, канструктыўная ці дэструктыўная); 11) пражыты досвед лідэра; 12) палітычная сацыялізацыя лідэра; 13) «шкала макіявелізму» і др.

Сацыокультурны ўзровень (круг) прадстаўлены таксама і сваёй камунікатывнай складовай, прызначанай ажыццяўляць між лідэрам і паслядоўцамі арганізаваны абмежаваны абмен інфармацыяй, сэнсавымі патокамі, знакавымі і сімвалічнымі сістэмамі. Гэты ўзровень уключае ў сябе, во-першых, *семантычны* спосаб, раскрываючы залежнасць працэсаў камунікацыі лідэра і паслядоўцаў ад ужываемых імі знакава-языковых сродкаў. Во-другіх, спосаб *дынамічны*, паказваючы працэс руху сэнсавых адзінак між лідэрам і паслядоўцамі праз сінтэзу бінарных апазіцый, прадстаўленых у мадэлях між- і субкультурных камунікацый. Во-трэціх, спосаб *артефактна-культурны* (тэхнічны), фіксуе дытэрмінаваўчае ўздзеянне на лідэрства абмежаваных інфармацыйных сістэм.

Інстытуцыйнае ў палітычным лідэрстве

Сацыокультурныя фактары дытэрмінаваўць наступны круг палітычнага лідэрства – *інстытуцыйны*, прадстаўлены яго «вонкавымі абставінамі»: палітыка-інстытуцыйнымі рамакамі яго функцыянавання. Гэта тым больш важна зрабіць, што, як паказваюць многія даследаванні, у развіцці палітычнага лідэрства, зятым у шырокім гістарычным кантэксце, назіраецца значны перавес сітуацыйных і аб'ектыўных фактараў над асабістымі псіхалагічнымі. Польскі даследчык П. Жукевіч справядліва адзначае: «Эфектыўнасць дзейнасці палітычнага лідэра не залежыць выключна ад псіхалагічных фактараў, прысутніх яму самому і паслядоўцам. Працэс лідэрства заўсёды ажыццяўляецца ў інстытуцыйных рамаках, якія накладваюць на яго абмежаваныя абмежаваныя, а таксама прымушаюць лідэраў і паслядоўцаў да паводзінаў абмежаванага роду. Сапраўды, інстытуцыйны кантэксць уздзействуе на якасць лідэрства ў такой жа ступені, як і псіхалагічны» [11, с. 177]. Усе гэта фарміруе «сацыяльны заказ» на абмежаваны тып палітычнага лідэрства, арыганізм палітычнай кар'еры. Немецкі элітолаг Д. Херцог паказваў: «Палітычныя кар'еры з'яўляюцца сацыяльна структураванымі і ствараюць арыганізм імяні ў тым сэнсе, што ў кожнай гістарычнай сітуацыі існуюць не бесканечна разнаобразныя і абмежаваны індывідуалізаваныя шляхі палітычнага ўзыходжэння, а толькі нешматлікія, праз якія ўсе зноў і зноў аднаковым спосабам рэкрутуюцца новыя пакаленні палітычных дзеячаў. Гэты шляхі абумоўлены не толькі агульным дзяржаўным будаўніцтвам, арганізацый-

ными формами партий и избирательной системы, но также и едиными способами поведения» [12, с. 66]. Только тот политик обречен на успех, кто будет следовать существующим в определенном политическом пространстве карьерным образцам.

Можно выделить несколько групп институциональных факторов лидерства. Во-первых, это специфика политического режима. Очевидно, что тоталитарный, авторитарный и демократический режимы создают совершенно различные доминирующие модели лидерства, касающиеся объема властных полномочий лидеров, их политической ответственности, степени идеологизации процесса принятия решений, политического дискурса, уровня асимметричности лидерства, качества персонализации и персонификации власти и т.д. Действительно, авторитаризм политического режима не только предполагает концентрацию широкой гаммы ресурсов у отдельной политической персоны и его команды, служащих укреплению режима личной власти, но и формирует вполне определенное «окно возможностей» для оппозиционных лидеров. В свою очередь, различные форматы демократического режима детерминируют имманентно присущий именно им тип лидерства. Так, например, в условиях плебисцитарной демократии действует, согласно М. Веберу, следующий принцип: «Демократия, это когда народ выбирает лидера, которому он доверяет. После этого избранный народом лидер говорит: “А теперь замолчите и подчиняйтесь мне”. Ни народ, ни партия не должны вмешиваться в то, что он делает» [13, с. 151].

Во-вторых, это формы государственного устройства: парламентская, президентская, смешанная и др., – в правовом и политико-административном отношении закрепляющие как объемы власти президента, премьера и главы парламента, так и способы ее (де)легитимизации.

В-третьих, это особенности партийной системы. Как в свое время отмечал М. Вебер, в эпоху индустриального общества политическим лидером становится лишь тот, кто смог подчинить партийный аппарат, добиться партийного большинства и чья партия одержала политическую победу на очередных выборах. В условиях постиндустриального общества этот тренд сохраняется: в силу традиционно большой роли партий в политическом процессе страны карьера того или иного политического деятеля в решающей степени зависит от эффективности партийной политики, его успехов или неудач на выборах, поддержки партией того или иного политического деятеля, отношений с партийным аппаратом. Например, наиболее известные канцлеры ФРГ Г. Коль, К. Аденауэр, В. Брандт, А. Меркель вошли в историю именно как «партийные» политики, опиравшиеся в своей деятельности на партийный аппарат. Партийный компонент воздействия на лидерство проявляется через: 1) тип партийной системы, поскольку различные их типы детерминируют и различные типы лидерства; 2) возможность влияния лидеров партий на формирование коалиций в парламенте; 3) структуру и внутреннюю культуру партийной организации; 4) формальные и неформальные властные позиции лидера в партии и др.

В-четвертых, следует указать на воздействие избирательной системы, избирательного законодательства, которые влияют как на стратегию политических акторов, так и на их шансы на занятие должностей в структурах государственной власти. Существуют социологические исследования, свидетельствующие о том, каким же образом избирательные системы воздействуют на качество лидерства. Например, П. Жукевич, опираясь на их результаты, утверждает, что для эффективного лидерства объективно не существует идеальной избирательной системы. Само доминирование мажоритарной системы, либо пропорциональной, или же смешанной автоматически не обуславливает

улучшения качества процессов лидерства [11, с. 210]. Кроме этого, различные избирательные системы создают электоральный запрос на наиболее привлекательные для избирателей образы власти и властителей.

В-пятых, важным фактором политического лидерства является качество политического рынка, предъявляющее к лидерам определенную систему требований. Поскольку, например, для индустриального общества характерно, по мнению М. Вебера, «превращение политики в предпринимательство», ставящее перед собой в качестве главной задачи борьбу за «предметные цели» (должности, ренты, доходы и пр.), то для политика принципиальное значение имеет овладение навыками борьбы за власть и знание методов ее осуществления. В этих условиях в политике наиболее востребованными оказываются качества квалифицированного юриста (адвоката), который в силу специфики своей деятельности может выступать как эффективный лоббист и посредник интересов, искусный коммуникатор. Институциональные рамки естественным образом «породили» политический спрос на определенные психологические качества лидера: страсть, чувство ответственности, глазомер. Под страстью понимается деловитость и страстная самоотдача профессиональному (политическому) делу. Ответственность означает, что политическая деятельность лидера должна стать его «главной путеводной звездой». Глазомер свидетельствует о внутренней собранности, спокойствии и хладнокровии политика по решению практических политических проблем. «Политика “делается” головой, а не какими-нибудь другими частями тела или души... Ибо в конечном счете в сфере политики есть лишь два рода смертных грехов: уход от существа дела и ...безответственность» [14, с. 690–691].

В-шестых, на лидерство существенным образом воздействует и международный контекст, а именно, пребывание конкретной страны в разного рода международных структурах. Например, в рамках работы Европейского совета и Совета ЕС лидеры отдельных европейских государств естественным образом ориентированы не только на лоббирование национальных интересов своих стран, но и на представительство определенной совокупности общеевропейских интересов и ценностей, выступая на политической сцене уже не только национальными, но и европейскими лидерами.

В-седьмых, социальные обстоятельства, институциональные рамки политического лидерства способствуют актуализации определенных групп политических способностей, необходимых для осуществления эффективной деятельности, а также определяют направления ценностно-идеологической интеграции политических позиций лидера и последователей. В силу этого тенденция бюрократизации, например, создает спрос на административные способности, рост сложности проблем – на организационные таланты, «информационная» революция – на коммуникативные компетентности, «деидеологизации» общества указывает на необходимость апелляции к «новым» социальным потребностям (экологическим, гендерным и т.п.) и др. В таком случае для современного государственного лидера, представляющего западную цивилизацию, необходимыми предпосылками политической карьеры которого являются обладание точным знанием по широкому комплексу общественных проблем, способность к координации деятельности различных политических акторов, овладение искусством коммуникации, умение выполнять функции не столько «посредничества интересов», сколько их «конверсии», способность к трансформации мотивов последователей и др.

Заклучение

Таким образом, идеальная модель деятельности политического лидера, исходящая из выше обозначенных «кругов», будет состоять из: а) мотивационно-потребностной сферы (потребности власти, достижения, доминирования, любви и аффилиации, материальные, безопасности, самореализации и самоактуализации, широкого спектра ценностных ориентаций); б) средств деятельности (системы вознаграждения, инструменты насилия/принуждения, информационные, социально-психологические, идеологические ресурсы и др.); в) действий/операций (оказание влияния на установки и поведение, управление и формирование действий, осуществление власти, структурирование интеракций, трактовка причин, определение стратегии и тактики и т.п.); г) объективных обстоятельств деятельности политического лидера (институциональных, правовых, социокультурных); д) реакций объекта властного воздействия (повиновение, подчинение, признание, уважение, восхищение, эмоциональная связь и т.д.); е) результата (легализация и легитимация политической власти лидера).

С другой стороны, типичная модель деятельности последователей представлена следующими компонентами: а) исторически, социально, ситуативно актуализированная, исторически изменяющаяся система потребностей и ценностных ориентаций, регулирующих их политическое поведение; б) институциональные, правовые, идеологические, нормативные, политико-культурные способы и формы воздействия последователей на систему политического лидерства; в) различные формы их политической активности и практики; г) восприятие, осознание и присвоение властных интенций лидера; д) субъективная готовность к «последовательству»; д) результат – признание за лидером властных полномочий, выражение ему политической лояльности и обязательное выполнение его властной воли.

Сопряжение, интеграция деятельностей лидера и последователей осуществляется при этом через процессы репрезентации (уровень потребностей и интересов), идентификации (уровень ценностных ориентаций) и коммуникации (уровень доверия).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Walter, F. Führung in der Politik. Am Beispiel sozialdemokratischer Parteivorsitzender / F. Walter // Zeitschrift für Politikwissenschaft. – 1997. – № 4. – S. 1289–1335.
2. Лысюк, А. И. Социокультурная детерминация политического лидерства: содержание, способы, эволюция : монография / А. И. Лысюк. – Черновцы : Букрек, 2008. – 384 с.
3. Ammeter, A. P. Toward a political theory of leadership / A. P. Ammeter // The Leadership Quarterly. – 2002. – Т. 13, № 6. – S. 751–796.
4. Haughton, T. Constraints and Opportunities of Leadership in Post-Communist Europe / T. Haughton. – Burlington : Ashgate, 2005. – 243 p.
5. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа Культурной Политики, 1995. – 800 с.
6. Сапронов, П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность / П. А. Сапронов. – СПб. : Церковь и культура, 2001. – 816 с.
7. Кудрявцев, Ю. Г. Три круга Достоевского (событийное, социальное, философское) / Ю. Г. Кудрявцев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 344 с.

8. Самсонова, Т. Н. К истории становления политического психоанализа / Т. Н. Самсонова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2001. – № 2. – С. 15–29.
9. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.
10. Хантингтон, С. Столкновения цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : Аст, 2003. – 605 с.
11. Żukiewicz, P. Przywództwo polityczne. Teoria i Praktyka / P. Żukiewicz. – Warszawa : Difin, 2011. – 440 s.
12. Herzog, D. Der moderne Berufspolitiker / D. Herzog // Eliten in der Bundesrepublik Deutschland. – Stuttgart ; Berlin ; Köln : W. Kohlhammer, 1990. – 180 s.
13. Мигранян, А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс / А. М. Мигранян // Вопр. философии. – 1989. – № 6. – С. 148–158.
14. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 02.06.2016

Lysiuk A.I. Three Circles of Political Leadership

Based on the methodology of the activity approach three levels (circles) of political leadership are considered: psychological, sociocultural and institutional. Psychological level includes rational and irrational factors, determining the behavior of leader and his followers. Socio-cultural level includes civilizational, as well as political and cultural components, regulating the leader's political practices. Institutional level includes the peculiarities of the state's form, the political regime, party and election systems, legal framework of leadership functioning. Resulting from this is the dominating model of political recruitment defining the ways of the political leaders' coming to power.